

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.023

УДК 94(47).081"18"

ББК 63.3(2)53-3

Г.Н. МОКШИН

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ «РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАВОСПОСОБНОСТИ МАСС» В ИДЕОЛОГИИ ЛЕВОГО НАРОДНИЧЕСТВА 1870-Х – НАЧАЛА 1880-Х ГГ.

G.N. MOKSHIN

THE EVOLUTION OF THE IDEA OF THE «REVOLUTIONARY CAPACITY OF THE MASSES» IN THE IDEOLOGY OF LEFT-WING POPULISM 1870S – THE EARLY 1880S.

Статья посвящена развитию идеи народа в идеологии революционного народничества 1870-х — начала 1880-х гг. Данная проблема анализируется в контексте становления и развития двух главных народнических концепций революционных преобразований страны: социальной и политической, центральное место в которых занимал вопрос о степени революционности русского народа. На основе анализа трудов М.А. Бакунина, П.Л. Лаврова, П.Н. Ткачева, воспоминаний участников «хождения в народ» и печатных изданий «Земли и воли» и «Народной воли» устанавливаются основные этапы и общее направление эволюции идеи вовлечения народа в революционное движение. В заключении статьи автор приходит к выводу о том, что народническая мысль развивалась по пути более реалистического понимания нужд и чаяний трудящихся масс и их «революционной правоспособности». Однако прямая зависимость между интерпретацией идеи «народа» и отводимого ему места в доктрине революционных преобразований, т.е. идеализм и догматизм мышления народников 1870-х гг., не позволили им стать истинными вождями своего народа.

The article is devoted to the development of the idea of the people in the ideology of revolutionary populism of 1870-early 1880-s. The problem is analyzed in the context of formation and development of the two major populism conceptions of revolutionary transformations of the country: social and political; the central place in them was taken by the question of the degree of revolutionary character of the Russian people. The analysis of works by M.A. Bakunin, P.L. Lavrova, and P.N. Tkachev, memoirs of the participants of the "March to the People", and printed editions of "Land and Will" and "Narodnaya Volya" serve as a basis for identifying the main stages and main directions of the idea of involvement of people in the revolutionary movement. Finally, the author concludes that popular thought has evolved toward a more realistic understanding of the needs and hopes of the working masses, and their «revolutionary power». However, the direct correlation between the interpretation of the idea of "the people" and its place in the doctrine of revolutionary transformation, i.e. the idealism and dogmatism of the thinking of the populists of the 1870s, prevented them from becoming the true leaders of their people.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: левое народничество, революционные народники, народ, идеология, революция

KEY WORDS: left-wing populism, revolutionary populists, people, ideology, revolution

ВВЕДЕНИЕ. В идеологии левого или революционного народничества проблема «народ и революция» занимала одно из центральных мест. Без поддержки масс движение

радикальной интеллигенции было обречено на поражение, что наглядно демонстрирует история русского народничества последней трети XIX в.

Попытки народников поднять народные массы на революцию неоднократно привлекали внимание исследователей [10; 21; 23]. Сторонники классового подхода к истории народничества, господствующего в советской историографии, объясняли неудачи народников тем, что в поисках революционного народа они сделали ставку на вырождающееся крестьянство, а не на действительно революционный класс — пролетариат. Кроме того, по мнению многих историков, в процессе взаимодействия с практикой народническая теория не рассеивала «туманы заблуждения», а наоборот, все более и более идеологизировалась [8, с. 92]. Современные народниковеды не столь категоричны в оценке идейного наследия народников, поскольку на рубеже XIX–XX вв. (когда на смену общинному социализму пришел социализм демократический) их представления о движущих силах революции и путях ее подготовки претерпели существенные изменения [7, с. 155]. Однако предпосылки для этих изменений, видимо, начали формироваться еще в эпоху так называемого «действенного» народничества 1870-х — начала 1880-х гг. Поэтому вклад народников в развитие «правильной» революционной теории, связанной с более реалистичным пониманием «революционной правоспособности» масс (т.е. их места и роли в революционных преобразованиях), нуждается в более подробном изучении.

ЦЕЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ — осветить основные этапы эволюции идеи революционной правоспособности масс в идеологии левого народничества 1870-х — начала 1880-х гг.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. В данной статье мы рассмотрим интерпретацию проблемы «народ и революция» идеологами левого народничества в контексте становления и эволюции двух главных концепций революционных преобразований: социальной и политической. Сторонники первой из них (М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и их последователи, включая землевольцев) считали, что главным в революции является «коренная ломка старых социально-экономических структур, осуществляемая в ходе непосредственной борьбы широких народных масс». Вторые (П.Н. Ткачев и народовольцы) видели в ней преимущественно политическое преобразование, изменение в сфере политической надстройки, которые надлежит осуществить политически организованным меньшинством посредством соответствующих политических и правовых институтов [2, с. 72]. Соответственно этим двум концепциям были сформулированы два главных тактических принципа революционных народников: «для народа и через народ» и «для народа, но без народа», хорошо известных по мемуарной литературе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ. Теоретическое обоснование готовности русского народа к радикальным общественным преобразованиям дал основоположник народничества А.И. Герцен. Это с его подачи первые поколения народников будут смотреть на мужика как на социалиста по инстинкту, искренне полагая, что у интеллигенции и народа одни и те же идеалы. Однако практической разработкой вопроса о вовлечении народа в революционное движение Герцен, по понятным причинам, не занимался, ограничившись общими рассуждениями о том, что русский мужик находится ближе к социальной революции, чем к политической [5, с. 258].

1860-е гг. — это эпоха так называемого «раннего» или «молодого» народничества, когда среди его сторонников были сильны надежды на то, что народ поднимется на революцию самостоятельно, т.е. по собственному почину, в ответ на «грабительскую» реформу 1861 г., давшую ему «мнимую» свободу (без земли). Но ни в 1861 г., ни в 1863 г. этого не произошло. А попытки интеллигенции вызвать крестьянские волнения путем каких-то отдельных акций (покушение на Александра II Дм. Каракозова и др.) успеха не имели.

История «зрелого» народничества начинается с рубежа 1860/70-х гг. с оформления трех главных течений его левого крыла, возглавляемых М.А. Бакуниным, П.Л. Лавровым

и П.Н. Ткачевым. Не вдаваясь в подробности, отметим, что все они были идеологами общинного крестьянского социализма, все настаивали на необходимости и возможности народной революции как «инсurreкции» крестьянства. Практически все они сходились и в том, что именно революционная разночинская молодежь может и должна разбудить и развить коммунистические инстинкты народа, дать проявиться его революционной природе. Разногласия начинались при осмыслении вопроса как именно это сделать — массовой пропагандой ли социалистических идей, агитацией ли к бунту против власти государства или завоеванием этой власти революционной партией. В основе каждого из предлагаемых способов действия лежала своя особая интерпретация отношения крестьянства к идеалу наилучшего общежития и его революционных потенций.

Родоначальник анархического или бунтарского направления — М.А. Бакунин (в концентрированном виде его взгляды на народ изложены в работе «Прибавление А» к «Государственности и анархии») полагал, что «народное дело состоит единственно в осуществлении народного идеала». Народ наш «не доктринер и не философ», но будущее свое сможет устроить сам, так как «общий» идеал давно уже выработан в его сознании. Более того, главные черты, лежащие в основании этого идеала (убеждение, что вся земля принадлежит народу; что на пользование ею имеет право не лицо, а целая община, мир; самоуправление общины и враждебное отношение ее к государству), по существу своему вполне соответствует новейшим достижениям социалистической мысли западноевропейских стран [19, с. 45, 48].

Однако русский народ не только социалист по инстинкту, но и революционер по традиции. Особую его революционность Бакунин обосновывал «чрезмерною нищетою, а также рабством примерным», что непрерывно порождает крестьянские бунты против государства. Правда, до сих пор чернорабочий люд не сумел победить своих врагов. Неудачи народных движений объяснялись, по мнению Бакунина, тем, что в самом общественном идеале есть существенные изъяны — патриархальность и вытекающие из нее поглощение лица миром и богопочетание царя, хотя исправление его уже коренится в самих массах. Другой важнейшей причиной называлась «замкнутость общин, уединение и разъединение крестьянских местных миров» [19, с. 43, 46, 49, 53].

Задачу по преодолению этих препятствий Бакунин возлагал на революционное меньшинство («умственный пролетариат»), которое должно «связать лучших крестьян всех деревень... между собою, и там, где оно возможно, провести такую же живую связь между фабричными работниками и крестьянством», убедить их в том, что «в народе живет несокрушимая сила», которая «могуча только когда она собрана и действует одновременно», связать и организовать «села, волости, области по одному общему плану и с единою целью всенародного освобождения» [19, с. 53–54]. Иначе говоря, Бакунин предлагал революционной интеллигенции взять на себя роль «коллективного Стеньки Разина», которому в свое время это удалось.

Другой идеолог активного народничества — П.Л. Лавров — основоположник подготовительного, пропагандистского направления. Его социальная концепция народной революции (точнее, социально-политическая, учитывала признание им особой роли государства в организации будущего общества) нашла отражение в программе журнала «Вперед!», работах «Знание и революция», «Роль народа и роль интеллигенции» и др.

Обращаясь к революционной молодежи, Лавров призывал ее руководствоваться в деле решения социального вопроса в России не инстинктами масс, как учил Бакунин, а научными знаниями. Во времена Пугачева революционный протест народа против государства еще мог достигнуть успеха, будь он лучше организован и руководим. Но с тех пор, по словам этого теоретика народничества, «...знание и выработанная мысль вооружили государство и капитал средствами, прежде неизвестными, и народу приходится противопоставить вра-

гам не элементарный инстинкт массы, а выработанную силу социалистической мысли...» [12, с. 161].

По Лаврову, до восприятия социалистических идеалов народ к революции не готов, т.к. без них он не осознает необходимости социального переворота. Поэтому призывать к революции сейчас — это «преступление», ибо она неизбежно выльется в стихийный бунт и принесет народу лишь новые жертвы и страдания, в очередной раз сделав его «орудием борющегося за власть меньшинства» [12, с. 349]. «Облагодетельствовать неподготовленную массу нельзя». Для Лаврова — это аксиома. Социальная революция может быть произведена только посредством самого народа. Но для этого массы должны «уяснить свои истинные потребности, средства их удовлетворения и ту силу, которая в них лежит». И помочь им в этом может только обладающая научными знаниями интеллигенция [11, с. 30, 32].

Но будет ли доступна для народа социальная проповедь интеллигенции? Ответ Лаврова таков: русский народ на редкость сметлив, да и сама революционная пропаганда «так проста», что ее смысл, однажды указанный, немедленно станет для него «задачей революционного действия, задачей народного взрыва». Главная трудность лишь в том, чтобы народ поверил пропагандисту из интеллигенции. «Бросьте семя, — призывал Лавров молодежь, — оно созреет», течение исторических событий само укажет «минуту переворота» и готовность к нему народа, и «Придет спасение; придет воздаяние...» [12, с. 330].

Противоположную Бакунину и Лаврову позицию по рассматриваемым вопросам занимал П.Н. Ткачев, чьи взгляды легли в основу заговорщического или «бланкистского» идейно-тактического направления в революционном народничестве. Проблема народа, превращения его из возможного революционера в действительного, получила широкое освещение в программе журнала «Набат», в таких сочинениях Ткачева, как «Задачи революционной пропаганды в России», «Наши иллюзии», «Народ и революция» и т.д.

«Каковы же общественные идеалы нашего народа?» — спрашивал Ткачев. Его общественный идеал — «самоуправляющаяся община, подчинение лица миру, право частного пользования, но отнюдь не частного владения землею, круговая порука, братская солидарность всех членов общины — одним словом, идеал с ярко выраженным коммунистическим оттенком». Однако самое полное и беспрепятственное применение его к жизни «очень мало пододвинет нас к конечной цели социальной революции», т.к. идеалы крестьянства еще не революционны и «не идут далее окаменелых форм его быта». Коммунизм кроется в них лишь «в зерне, в зародыше». Если бы народ смог устроить свою жизнь по собственной воле, то «перед нами явится тот же старый крестьянский мир с его заскорузлыми, окаменевшими устоями, с его неподвижным консерватизмом». Следовательно, «при построении нового мира он не может и не должен играть никакой выдающейся, первенствующей роли». Эта роль принадлежит «исключительно революционному меньшинству» [22, с. 263–265].

Ткачев не отрицал, что народ является необходимым, правда, главным образом, разрушительным фактором предстоящей революции. Но в то же время выступал решительным противником «иллюзий» относительно «революционной правоспособности масс». Угнетенный, эксплуатируемый, лишенный всех человеческих прав народ «всегда должен быть революционером», но «революционером в возможности». Вековые рабство и гнет приучили русский народ «к терпению и бессловесному послушанию, развили в нем рабские инстинкты...». И даже самые возмутительные факты насилия не в состоянии вывести его из «стойческой пассивности», с которою он сросся как «улитка с раковиною». Поэтому, не стихийные инстинкты масс, возбужденные «вселенским» бунтом и не пробуждение их сознания при помощи критической мысли, но лишь уверенность народа в «безнаказанности своего протеста» (как результат антиправительственной деятельности «революционного меньшинства»), способна сделать его реальным революционером. «Отведите штык, вечно торчащий перед его грудью, сломайте кнут, вечно висящий над его спиною; разожмите руки,

крепко сдавившие его горло», одним словом — уничтожьте «консервативное» государство. И только когда народ увидит, что эта грозная власть «поругана, расстроена, дезорганизована, бессильна», тогда ему нечего и некого будет бояться, и его скрытое недовольство и подавленное озлобление «с неудержимой силою вырвется наружу» [22, с. 242–244]. И встанет народ «как один человек, и сметет одним мощным движением своих ближайших экономических и политических врагов и эксплуататоров» [22, с. 442].

Предубеждения своих оппонентов против «политики» и революционного государства Ткачев находил необоснованными. Захватив власть в свои руки, революционеры не станут «уничтожать декретами недвижимую собственность, семью, религию» и навязывать народу готовый идеал коммуны. Они лишь поставят сельскую общину, торговлю и промышленность в такие условия, которые «неизбежно, хотя и постепенно», приведут «к общности имуществ и общности труда», т.е. к практическому осуществлению начал коммунизма [22, с. 280–281].

Таким образом, на одном и том же эмпирическом материале идеологи действенного народничества приходили к различным оценкам и народных идеалов, и общей готовности масс к социалистической революции. «Нет ничего удивительного, конечно, в том, что всякая партия склонна преувеличивать сочувствие народа к ее собственным стремлениям», — замечает по этому поводу Г.В. Плеханов [15, с. 137]. Мы также полагаем, что основная причина разногласий заключалась в различных концепциях революции, отстаиваемых теоретиками народничества. Ведь каждая из них (социальная, социально-политическая и политическая) предполагала определенную оценку цели, характера, хода и собственно движущих сил предстоящей революции.

М.А. Бакунин, П.Л. Лавров и П.Н. Ткачев заложили основы дальнейшей эволюции народнических воззрений на народ. Этот процесс может быть представлен как последовательная проверка на практике разработанных ими доктрин с их последующей корректировкой в соответствии с нуждами революционного движения.

Важнейшую роль в развитии представлений о народе сыграло так называемое «хождение в народ» (в крестьянство), предпринятое радикально настроенной молодежью в 1874–1875 гг.

Накануне знаменитого «хождения» у большинства его будущих участников отсутствовало четкое понятие о массах, которые они собирались завоевать. Народ — таинственный незнакомец, известный главным образом по книгам, слухам да случайным встречам на улице, представлялся им не иначе как дедушка Егор — защитник угнетенных, люто ненавидящий современный общественный строй, желающий общинного владения землей и орудиями труда и т.д. в духе исповедуемых народниками социалистических теорий. Революцию произведут сами массы. Необходимо только помочь пробудиться народному сознанию и уяснить ему то, что «он может быть не совсем ясно понимает в системе гнетущих его условий» [19, с. 100, 137, 165, 356]. Собственно говоря, эта безграничная вера в народ, основанная на идеализации его социально-творческих сил и подтолкнула революционную молодежь к практическим шагам в направлении ею же сотворенного кумира.

Вначале хождения молодые революционеры, вдохновленные идеями М.А. Бакунина, принялись за активную агитацию к бунту против царя, церкви, помещиков и чиновничества, указывая на них как на главных виновников существования высоких податей, рекрутчины и малоземелья. Однако народ не оправдал возложенных на него надежд. Признавая законным протест против своих непосредственных угнетателей, крестьяне и мастеровые в большинстве своем категорически отказывались бунтовать против верховной власти. «Как же можно совсем без царя, кто же управлять-то станет?». Да и вообще идея «активного протеста» оказалась не популярной в массах. А «что поделаешь? У начальства сила, а у нас рознь». «Да! молиться будем, авось Господь и помилует, а самим как можно сопротивляться?» В крайнем случае, ответ был таков: «Вы там сами начните, а мы уж поддержим». Причину нужды и бедствий простой народ видел в собственном пьянстве и распутстве («ах кабы

не вино»), в отступлении от Бога и наказании за грехи, но никак не во внешних условиях жизни [3, с. 12–13; 6, с. 23].

Убедившись в том, что критика царя и церкви только отталкивает крестьянство, а также утратив надежду поднять в ближайшее время широкое народное восстание, молодежь переклонила на пропаганду своих социалистических идеалов. Однако все попытки убедить крестьян в преимуществах «огульного» (коллективного) труда окончились безрезультатно. «А ты запасись-ко сам землей,— говорили мужики пропагандистам,— тогда и увидишь, как хозяйничать на ней всем вместе» [20, с. 171]. Немало трудностей на пути в народ встретил и другой «социалистический» идеал — полного мирского самоуправления. Народники не раз отмечали отсутствие солидарности среди крестьян и тот факт, что все дела в общине решали кулаки и их подручные, часто к невыгоде остальных односельчан [9, с. 22, 168].

Особую тревогу у народников вызвала неудача книжной пропаганды. Как правило, слушатели зевали, поддакивали («а вообще чего не послушать»), но смысл прочитанного для большинства из них оставался непонятным. Раздаваемые для самостоятельного чтения книги, шли на «цигарки» [16, с. 173, 205, 259]. Не удались и попытки воспитания сколько-нибудь значительного числа пропагандистов из народа. Слушать-то слушают, сетовали участники хождения, «...но сами слышанное не распространяют, разговоры остаются разговорами» [19, с. 277–278].

Еще во время хождения молодежь начинала задумываться о причинах неудач социалистической пропаганды. Многие увидели их в невежестве и религиозных предрассудках почти поголовно безграмотного крестьянства. Отмечался также его консерватизм, «бедность внутренней психической жизни» (отсутствие склонности к отвлеченному мышлению). Тяжелый труд, скудное питание, большой рабочий день повлекли за собой притупление всякой умственной энергии масс, что, по признанию народников-пропагандистов, сделало крайне затруднительным какую-либо широкую идейную деятельность в народе [14, с. 35].

Вместе с тем, обращали на себя внимание и другие, более глубокие причины невосприимчивости массового сознания к отвлеченным социалистическим идеалам. Это отсутствие в деревне резких границ между эксплуататорами и эксплуатируемыми, применение многими крестьянами наемного труда при обработке земли, стремление разделить прикупленную «божью землю» в частную собственность («своя-то выгоднее!»), от которой их было труднее отговорить, чем от царя [19, с. 278]. Все эти факты говорили о начале классового расслоения крестьянства под влиянием проникновения в деревню товарно-денежных отношений. «Я убежден,— резюмировал этот процесс Д.М. Рогачев,— что в будущем община уничтожится, и у нас будет пролетариат» [1, с. 78].

Но не все участники хождения пришли к столь пессимистическим для себя выводам. Деревня открыла свои «темные стороны», развенчала многие навеянные революционерами-теоретиками радужные иллюзии. Однако она укрепила веру молодежи в «отрадные» свойства народной души (ненависть к эксплуататорам, стремление к черному переделу, почетность производительного труда, «презрение к торговле», сочувствие деятельности пропагандистов) [19, с. 278]. Революционно-народническая мысль искала свою дорогу методом проб и ошибок. Более глубокое осознание неоднозначных результатов хождения в народ требовало времени и опыта. Пока же народники оставались под обаянием своих старых теорий.

Следующий этап эволюции народнических воззрений на крестьянство связан с деятельностью крупнейшего тайного революционного общества второй половины 1870-х годов «Земля и воля».

Землевольты подробнейшим образом проанализировали результаты недавнего хождения в народ. Причины их незначительности были целиком возложены на собственные просчеты революционеров, главным образом, на незнание народа, торопливость пропаганды, стремление поднять крестьянство во имя совершенно непонятных для него идеалов

западноевропейского социализма, т.е. на внешнюю сторону дела. Вместе с тем, неудачи предшественников дали землевольцам новую веру в успех народного дела, так как доказывали «самостоятельность и устойчивость» крестьянства, наличие у него своих собственных дум и стремлений [18, с. 399]. Новое понимание народа, а по существу, возвращение к революционно-демократическим традициям шестидесятников нашло отражение в программных положениях «Земли и воли».

В основу своей программы землевольцы поставили «действительные» народные идеалы и требования в том виде, «как их создала история и осознает сам народ». «Пришло время,— писал С.М. Кравчинский,— сбросить с социализма его немецкое платье и... одеть в народную сермягу» [18, с. 129]. Жизненность такой тактики сближения с народом обосновывалась тем, что «элементарные основы социализма уже созданы в умах народа», и что если его требования земли и воли «были бы в данное время осуществлены, то это легло бы крепким фундаментом дальнейшего ускоренного хода социального дела в России» [20, с. 27].

В определении стратегии своей деятельности в народе землевольцы не были оригинальны. Воплощение в жизнь формулы «земля и воля» они связывали с ниспровержением основ существующего экономического строя посредством всеобщего народного восстания, главной движущей силой которого, как и у всех «социальщиков», считалось крестьянство. В то же время, землевольцы по-новому взглянули на свои задачи по подготовке революционного переворота. Учитывая уроки неудачного хождения в народ, они отказались от бакунистской идеи немедленного возбуждения всеобщего народного бунта, так как большинство общин еще не дошли до такого нравственного и умственного развития, чтобы принять во всей полноте народнический идеал. В итоге центр тяжести в практической деятельности партии был перенесен «из сферы пропаганды лучших идеалов общественности на создание боевой народно-революционной организации...» [18, с. 254].

Общая установка на народ как субъект предстоящих революционных преобразований получила широкое отражение на страницах землевольческой печати. Здесь народные массы представляли как активные носители революционного протеста (в журнале «Земля и воля» существовала даже специальная рубрика «Протестующие типы народа»), ясно сознающие тяжесть своего положения, настойчиво ищущие выхода из него, исполненные ненависти к своим угнетателям и готовые бороться за свои права. Народу недоставало лишь солидарности и организованности. Поэтому свою основную задачу революционеры видели в объединении разрозненных частей «бунтующего крестьянского мира» с целью скорейшего осуществления революционного переворота [18, с. 406].

Подготовительная работа в народе велась сначала путем поселений в крестьянской среде, затем с помощью подготовки кадров для пропагандистской работы из рабочих, которые, как считали землевольцы, лучше сойдутся с крестьянами, чем интеллигентная молодежь. Но и эти виды «социалистической» деятельности не дали ощутимых результатов.

Неудачи попыток поднять крестьянство на революцию, материалы с поселений, противодействие со стороны правительства и, наконец, революционное нетерпение заставили народников искать новые, более действенные формы борьбы. Часть землевольцев увлеклась идеей политической борьбы с самодержавием, результатом чего стал раскол «Земли и воли» на две самостоятельные организации: «Черный передел» и «Народную волю». Дальнейшая эволюция интересующих нас взглядов связана с последней из них.

Обращение народников к политической деятельности заставило многих из них по-иному взглянуть и на причины неудач предшествующей деятельности в народе, и на сам народ. Если раньше такие стороны русского народа, как консерватизм, инертность, постыдные привычки к рабству, повиновению, пассивному бездействию, политическая неразвитость, отсутствие гражданственности отвергались, либо просто замалчивались, то теперь они становятся одними из главных критериев оценки наличных народных сил [21, с. 203].

Однако не следует забывать, что, с точки зрения народovolьцев, «темные стороны» народной жизни есть «результат экономического гнета и политического бесправия сто-миллионной массы народа», что дело опять-таки не в мужике, а в правительстве, на борьбу с которым и была направлена основная деятельность партии. Иными словами революци-онная интеллигенция сохранила идеализированное представление о характере русского крестьянства, считая его в душе социалистом, приписывая ему общинный дух, артельные привычки, взгляд на землю как общественную собственность и т.д. [4, с. 172].

Еще осенью 1879 года газета «Народная воля» писала о том, что деятельность интелли-генции в народе была «наполнением бездонных бочек Данаид» и пора перестать «биться около народа как рыба об лед» [13, с. 4]. Но расчеты народников освободить народ, опираясь на одних только «интеллигентных» террористов, оказались еще одной горькой иллюзией. Уже в ноябре 1880 г. устами Л.А. Тихомирова (автора статьи о желательной роли народных масс в революции) партия заявила о необходимости «подготовить себе активное содействие масс», т.к. тесная связь с ними это «главное условие успеха». «Главная созидаящая сила революции в народе» и «дело созидания тем прочнее, чем более участвуют в нем массы» [13, с. 93].

На рубеже 1870/80-х гг. на страницах «Народной воли» крестьянство, как и у землеволь-цев, постепенно эволюционирует от «отупелости и забитости» до начала осознания фикции идеи царя и признания своей солидарности с социалистами и от «симптомов» пробуждаю-щегося в нем революционного брожения до состояния «хронической революции» [13, с. 50, 79, 122, 163]. В первую очередь это связано с действительным подъемом крестьянского движения в голодный 1880 год. Но в еще большей степени с желанием народovolьцев увидеть в народе сочувствие и поддержку своей кровавой борьбе с «царизмом». В то же время они были твердо убеждены в том, что «в самом народе нет такой силы, которая взяла бы на себя инициативу движения...». Толчок восстанию сельского населения даст поли-тический переворот в городе (!) [13, с. 107]. И, как мы знаем, все российские революции действительно развивались по такому сценарию.

Итак, социалисты-революционеры (а именно так называли себя сами народovolьцы) не отказались от мысли поднять крестьянство на социальную революцию, по-прежнему видя в нем, а не в рабочих, свою главную силу. Правда, в отличие от своих предшественников, самодеятельность народных масс, их политическое и гражданское сознание они собира-лись развить уже после свержения самодержавия.

Поражение «Народной воли», резкий спад практического революционного движения после событий 1 марта 1881 года, неудача ряда попыток создать новую организацию народ-ников — все это означало, что крестьянский общинный социализм в качестве революционной теории и главного знамени освободительного движения себя исчерпал.

ВЫВОДЫ. Мы рассмотрели основные этапы эволюции революционно-народнических воззрений на народ, связанные с деятельностью главных теоретиков «действенного» народ-ничества, «хождением в народ» середины 1870-х гг., идеологией «Земли и воли» и «Народной воли». Обобщая рассмотренный материал, необходимо отметить, что взгляды революционных народников развивались от полнейшей идеализации народа (как социалиста по инстинкту и революционера по традиции) в сторону более реалистического понимания действитель-ных его нужд и чаяний, а также пределов его возможного соучастия в предполагаемых революционных преобразованиях. Однако избавиться от идеологически заданных ожида-ний и установок в отношении народных масс они не могли. Все-таки «народ», к которому апеллировали народники в своих текстах — это собирательное понятие, а точнее идеальный образ, созданный по канонам их социалистических учений [15]. Проще говоря, познание реального народа ограничивалось рамками старых априорных теорий, представлениями об особом укладе, общинном строе русской жизни.

Оставаясь под влиянием социально-революционной доктрины, основанной на идеологизированных оценках народных масс (идея народа), русские народники 1870-х — начала 1880-х гг. не могли найти действенных путей осуществления желаемых целей, что в конечном итоге и обусловило отказ их последователей от прежних представлений о «революционной правоспособности» народа. Идейные наследники левых народников — эсеры уже не будут доверять «социальным инстинктам» масс, сделав ставку на развитие в стране хозяйственной и политической демократии как самых важных предпосылок для перехода России к социализму.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аптекман О.В. Дмитрий Рогачев в его «исповеди к друзьям» и письмах к родным // Былое. 1924. № 26. С. 71–101.
2. Блюм Р.Н. Некоторые методологические вопросы изучения истории революционной мысли // Ученые записки Тартуского ун-та. Вып. 599. Тр. по философии. Тарту: ТГУ, 1982. С. 68–92.
3. [Брешко-Брешковская Е. К.] Воспоминания пропагандистки (Одной из осужденных на каторгу) // Община. 1878. № 8–9. С. 9–15.
4. Волк С.С. Народная воля (1879–1882). М.; Л.: Наука, 1966. 491 с.
5. Герцен А.И. О социализме: Избранное. М.: Наука, 1974. 696 с.
6. Дейч Л. Хождение в народ (Из воспоминаний). Пг.: Госиздат, 1920. 40 с.
7. Ерофеев Н.Д. Социалисты-революционеры // История политических партий России: учебник для студентов вузов. М.: Высш. шк., 1994. С. 143–194.
8. Зайцев В.А. Субъективный метод в социологии как форма преодоления противоречия познания и социальной практики // Проблемы философии. Вып. 66. Киев: КГУ, 1985. С. 86–93.
9. Иванчин-Писарев А.И. Хождение в народ. М.; Л.: Молодая гвардия, 1929. 451 с.
10. Итенберг Б.С. Движение революционного народничества. Народнические кружки и «хождение в народ» в 70-х годах XIX в. М.: Наука, 1965. 443 с.
11. Лавров П.Л. Вперед! Наша программа // Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. Т. II. М.: Издательство политкаторжан, 1934. С. 23–41.
12. Лавров П.Л. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. Т. III. М.: Издательство политкаторжан, 1934. 419 с.
13. Литература партии «Народная воля». М.: Издательство политка-торжан, 1930. 336 с.
14. Лукашевич А.О. В народ (Из воспоминаний семидесятника) // Былое. 1907. № 3. С. 1–44.
15. Мокшин Г.Н. Концепция народа в социально-революционной доктрине русского народничества // Вестник ВГУ. Сер. Гуманитарные науки. 2005. № 1. С. 358–367.
16. Морозов Н.А. Повести моей жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1965. 407 с.
17. Плеханов Г.В. Наши разногласия // Сочинения: в 24 т. Т. 2. М.; Л.: Госиздат, [1925]. С. 91–357.
18. Революционная журналистика семидесятых годов. Paris: [impr. Ch. Noblet], 1905. 515 с.
19. Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. Т. I. М.: Наука, 1964. 472 с.
20. Программа «Земли и воли» // Революционное народничество 70-х годов XIX века: в 2 т. Т. II. М.; Л.: Наука, 1965. С. 27–33.
21. Твардовская В.А. Социалистическая мысль России на рубеже 1870–1880-х годов. М.: Наука, 1969. 241 с.
22. Ткачев П.Н. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 7 т. Т. III. М.: Издательство политкаторжан, 1933. 503 с.
23. Троицкий Н.А. Крестonosцы социализма. Саратов: СГУ, 2002. 372 с.

REFERENCES

1. Aptekman O.V. *Dmitrij Rogachev v ego «ispovedi k druž'jam» i pis'mam k rodnym* [Dmitri Rogachev in his «confessions to friends» and letters to relatives] // The past. 1924. № 26. S. 71–101. (In Russian).

2. Blum R.N. *Nekotorye metodologicheskie voprosy izuchenija istorii revoljucionnoj mysli* [Some methodological issues in studying the history of revolutionary thought] // Scientific Notes of the University of Tartu. Vol. 599. A trilogy of philosophy. Tartu: TSU, 1982. S. 68–92. (In Russian).
3. [Breshko-Breshkovskaya E. K.] *Vospominaniya propagandistki (Odnog iz osuzhdennykh na katorgu)* [Memoirs of a propagandist (One of the convicts to hard labour)] // Community. 1878. № 8–9. S. 9–15 (in Russian). (In Russian).
4. Volk S.S. *Narodnaja volja (1879–1882)* [The People's Will (1879–1882)]. M.; L.: Science, 1966. 491 s. (In Russian).
5. Herzen A.I. *O socializme: Izbrannoe* [On Socialism: Selected Works]. M.: Science, 1974. 696 s. (In Russian).
6. Deitch L. *Hozhdenie v narod (Iz vospominanij)* [Going to the People (From Memoirs)]. Pg.: Gosizdat, 1920. 40 s. (In Russian).
7. Erofeev N.D. *Socialisty-revoljucionery* [Socialist Revolutionaries] // History of Political Parties in Russia: Textbook for Students of Higher Education. M.: Vyssh. shk., 1994. S. 143–194 (In Russian).
8. Zaitsev V.A. *Sub#ektivnyj metod v sociologii kak forma preodolenija protivorechija poznaniya i social'noj praktiki* [Subjective method in sociology as a form of overcoming the contradiction between cognition and social practice] // Problems of philosophy. Vol. 66. Kyiv: KSU, 1985. S. 86–93 (In Russian).
9. Ivanchin-Pisarev A.I. *Hozhdenie v narod* [Going to the People]. M.; L.: Molodaya Gvardiya, 1929. 451 s. (In Russian).
10. Itenberg B.S. *Dvizhenie revoljucionnogo narodnichestva. Narodnicheskie kruzhki i «hozhenie v narod» v 70-h godah XIX v.* [The Movement of Revolutionary Popularity. Narodnicheskie circles and «going to the people» in the 70s of the 19th century]. M.: Science, 1965. 443 s. (In Russian).
11. Lavrov P.L. *Vpered! Nasha programma* [Go for it! Our programme] // Selected essays on socio-political topics: in 8 vol. Vol. II. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1934. S. 23–41 (In Russian).
12. Lavrov P.L. *Izbrannye sochinenija na social'no-politicheskie temy.* [Selected Essays on Socio-Political Themes]: v 8 t. T. III. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1934. 419 s. (In Russian).
13. *Literatura partii «Narodnaja volja»* [Literature of the People's Will party]. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1930. 336 s. (In Russian).
14. Lukashevich A.O. *V narod (Iz vospominanij semidesjatinika)* [To the people (From the memoirs of a seventy-something man)] // The past. 1907. № 3. S. 1–44 (In Russian).
15. Mokshin G.N. *Koncepcija naroda v social'no-revoljucionnoj doktrine russkogo narodnichestva* [The concept of the people in the social-revolutionary doctrine of Russian Narodstvo] // Vestnik VSU. Ser. Humanities, 2005. № 1. S. 358–367 (In Russian).
16. Morozov N.A. *Povesti moej zhizni* [Stories of my life]: v 2 t. T. 1. M.: Science, 1965. 407 s. (In Russian).
17. Plekhanov G.V. *Nashi raznoglasija* [Our differences] // Essays: in 24 vol. Vol. 2. M.; L.: Gosizdat, [1925]. S. 91–357 (In Russian).
18. *Revoljucionnaja zhurnalistika semidesjatykh godov* [Revolutionary journalism in the seventies]. Paris: [impr. Ch. Noblet], 1905. 515 s. (In Russian).
19. *Revoljucionnoe narodnichestvo 70-h godov XIX veka* [Revolutionary nationalism in the 1970s]: v 2 t. T. I. M.: Science, 1964. 472 s. (In Russian).
20. *Programma «Zemli i voli»* [The Earth and Will programme] // Революционное народничество 70-х годов XIX века: in 2 vol. Vol. II. M.; L.: Science, 1965. S. 27–33 (In Russian).
21. Tvardovskaya V.A. *Socialisticheskaja mysl' Rossii na rubezhe 1870–1880-h godov* [Socialist Thought in Russia at the Turn of the Year 1870–1880]. M.: Science, 1969. 241 s. (In Russian).
22. Tkachev P.N. *Izbrannye sochinenija na social'no-politicheskie temy* [Selected essays on socio-political topics]: v 7 t. T. III. M.: Politkatorzhan Izdatelstvo, 1933. 503 s. (In Russian).
23. Troitsky N.A. *Krestonoscy socializma* [The Crusaders of Socialism]. Saratov: SSU, 2002. 372 s. (In Russian).